

И скольких слезъ, стараясь мужемъ быть,
Я долженъ былъ всю горечь проглотить!..

И долго я томился.—Наконецъ,
Родныхъ полей блуждающій бѣглець,
Я возвратился къ нимъ...

Въ большомъ саду

Однажды я задумавшись иду,—
Вдругъ предо мной бесѣдка. Узнаю
Зеленый сводъ, гдѣ я сказалъ: «люблю»
Невинной Лорѣ [я еще объ ней
Не спрашивалъ сосѣдственныхъ людей],
Но страхъ пустой мой умъ преодолѣлъ.
Вхожу, и что жъ бродящій взглядъ узрѣлъ?—
—Могила!—Свѣжій лѣтній вѣтерокъ
Порою несъ увялый къ ней листокъ,
И, незабудками испеprена,
Дышала сыростью и мглой она.
Не уясомъ,—но пасмурной тоской
Я былъ подавленъ въ мигъ сей роковой!
Презрѣнье, гордость въ этой тишинѣ
Старались жалость побѣдить во мнѣ.
Такъ вотъ что я любилъ!.. Такъ вотъ о комъ
Я столько думъ питалъ въ умѣ моемъ!..
И стоило ль любить и покидать,
Чтобы странамъ чужимъ нести казаль
Испорченное сердце [плодъ страстей].
Въ чемъ недостатка нѣтъ между людей?
Такъ вотъ что я любилъ! клянусь, мой

Богъ,

Ты лучшую ей участь дать не могъ,
Престѣхъ должна кончина бытіе:
Чѣмъ раньше, тѣмъ и лучше для нея!—

И блещутъ незабудки надъ тобой,
Хотя забвенья стали ценой;
Сплела изъ нихъ земля тебѣ вѣнецъ...
Ихъ вырастили мать и отецъ,
На дернъ роняя слезы каждый день,
Пока туманная, ложась, тѣнь
Съ холодной, сладкою росой ночей
Не освѣжала старыхъ ихъ очей...

И я умру!—но только вѣтръ степей
Восплачетъ надъ могилою моею!..

Преодолѣть стараясь думъ борьбу,
Такъ я предчувствовалъ свою судьбу...

И я оставилъ прихотливый свѣтъ,
Въ которомъ для меня веселья нѣтъ,
И гдѣ раскаянье бѣжитъ отъ глазъ,
Покуда юность не оставитъ насъ.
Но я былъ старъ: я многое свершилъ!
Повѣрьте: не одно лишеніе силъ,
Послѣдствіе толпой протекшихъ дней,
Браздить чело и гасить жизнь очей!..
Я потому съ досадой ихъ кидалъ
На мѣръ, что самъ себя въ немъ презиралъ!—
Я мнилъ: въ моемъ лицѣ легко прочесть.
Что въ сей груди такое чувство есть.—
—Я гордъ былъ и не снесъ бы, какъ позоръ,
Пытающій, нескромный, хитрый взоръ.

Какъ могъ бы я за чашей хохотать
И яркій даръ похмѣлья вышивать,
Когда всечасно мстительный металлъ
Въ большого сердца струны ударялъ?
Онѣ меня будили въ тѣмъ ночной,
Когда и умъ, какъ взглядъ, подернуть
мглой,

Чтобы нагнать еще ужаснѣй сонъ;
Не уходилъ съ зарей багровой онъ.
Чѣмъ болѣ улыбалось счастье мнѣ,
Тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ;
Я счастье, казалось, привлекъ,
Когда его навѣки отнялъ рокъ,
Когда любилъ въ огнѣ мученій злыхъ
Я женщинъ мертвыхъ болѣ живыхъ.

Есть сумерки души во цвѣтѣ лѣтъ,
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ.
Жметъ сердце безотчетная тоска;
Жизнь ненавистна, но и смерть тяжка.
Чтобы спастись отъ этой пустоты,
Воспоминаньемъ или игрой мечты
Умножь одну или другую ты.
Послѣднее мнѣ было легче!.. я
Опять бѣжалъ въ далекія края,
И здѣсь, въ сей безднѣ, въ сѣверныхъ го-
Зароютъ мой изгнаннический прахъ. [рахъ,
Безъ имени въ землѣ онъ долженъ гнить,
Чтобъ никого не могъ остановить.
Такъ я живу. Подземный мракъ и хладъ,
Однообразный стукъ, огни лампадъ
Мнѣ нравятся. Товарищей толпу
Презрѣннѣ себя всегда я чту—
И самолюбье веселитъ мой нравъ:
Такъ радъ кривой, слѣпого увидавъ!—

И я люблю, когда нѣмая грусть
Меня кольнеть, на воздухъ выйти. Пусть,
Пусть укоритъ меня обширный сводъ,
За коимъ въ славѣ возсѣдаетъ Тотъ,
Кто былъ и есть и вѣчно не пройдетъ;—
Задумавшись, нерѣдко я сижу
Надъ дикою стремниною, и гляжу
Въ туманныя поля, передо мной
Отдохшіе подъ свѣжею росой—¹⁾.

Тогда, какъ я, воскликнешь къ небесамъ,
Ломая руки: дайте прежнимъ днямъ
Воскреснуть!—но ничто ихъ не найдетъ—
И молодость вторично не придетъ!..

Ахъ! много чувствъ и мрачныхъ, и живыхъ
Открыть хотѣлъ бы Джулио.—Но ихъ
Пускай обниметъ ночь, какъ и меня!—
Уже въ лампадѣ нѣтъ почти огня,
Страница кончена—и (хоть чудна)
Съ ней повѣсть жизни, прежде чѣмъ она...

¹⁾ Далѣе нѣсколько строкъ утеряны.